

После этого по-настоящему «идеального» обеда Шэнь Сюань первым отложил палочки.

Откинувшись на спинку стула и едва ли не полулежа, он прищурился — точь-в-точь сытый рыжий кот, разомлевший на солнце. Потирая округлившийся живот, он с довольным видом протянул:

— Уф, объелся. Как же хорошо...

Шэнь Сюань выглядел безмятежно счастливым.

Глядя на него, Ли Ваньсин невольно рассмеялся.

— Ну и ну. Нельзя сразу ложиться после еды, посиди хоть немного.

Шэнь Сюань покосился на друга и согласно кивнул:

— Знаю, что лежать вредно. Но прислониться-то можно!

Тут он лукаво посмотрел на него и спросил:

— Ты в общежитие возвращаешься?

Не дожидаясь ответа, Сюань затараторил дальше:

— Здесь, в отдельных залах у дяди в ресторане, есть места для отдыха. Если не хочешь тесниться в узкой коморке в общежитии, оставайся у меня, вздремнем тут.

Ваньсин на мгновение замер. Мысль была заманчивой...

В конце концов, Му Юань явно не горел желанием с ним контактировать. При этой мысли Ли Ваньсин едва заметно и горько усмехнулся.

Поразмыслив секунду, он кивнул.

— Хорошо, тогда воспользуюсь твоим гостеприимством.

Шэнь Сюань небрежно махнул рукой:

— Пустяки, Ваньсин, к чему эти церемонии! Идем за мной.

Он подхватил друга за рукав и потащил на второй этаж. Распахнув дверь самого дальнего отдельного зала, Сюань впустил Ли Ваньсина внутрь.

На диване в беспорядке валялись одеяла, на кофейном столике сиротливо теснились пустые бутылки из-под газировки. Сразу было видно: Шэнь Сюань проводит здесь немало времени.

Заметив легкий кавардак, Сюань смущенно улыбнулся:

— Ой, малость не прибрано... Не переживай, я сейчас мигом!

Одной рукой он начал сгребать пустые бутылки, другой — сворачивать пледы. Спустя пару минут в комнате воцарился относительный порядок.

Сюань выдохнул с облегчением:

— Вот видишь, я же говорил — пара секунд!

Прежде чем Ли Ваньсин успел вставить хоть слово, Сюань сладко зевнул. Он заслезился, а голос стал хриплым:

— Ладно, я в отключку. Увидимся через час.

Ваньсину оставалось лишь с улыбкой кивнуть:

— Спи. Встретимся через час.

Получив ответ, Шэнь Сюань, уже пребывая одной ногой в объятиях Морфея, укутался в плед и мгновенно провалился в сон.

Глядя на спящего друга, Ли Ваньсин и сам почувствовал навалившуюся усталость. Он перебрался на другой диван, укрылся и закрыл глаза. Сон пришел не сразу — сознание медленно, тягуче погружалось в туманную небыль.

Проснулся Ли Ваньсин от резкого шума.

Где-то совсем рядом спорили.

— Вам нельзя больше пить! — гремел чей-то строгий голос. — Неужели вы не понимаете, как

это губительно для организма?

— Хочу и пью, тебе-то что? — отозвался другой голос, хриплый и низкий, но исполненный стальной властности. Однако в следующую секунду в нем прорезались ярость и неприкрытая боль: — Его больше нет! Я могу видеть его только в гребанных снах! Ты и этой последней возможности хочешь меня лишить?!

Напор первого спорящего заметно ослаб:

— Но за этот месяц вы уничтожили почти целый грузовик крепкого спиртного. Я боюсь... боюсь, вы просто умрете от алкогольного отравления.

Хриплый голос смолк. Раздался долгий, тяжелый вздох.

— Гу Цин, я всё понимаю... — тихо произнес мужчина. — Я знаю предел своего тела. Обещаю, я буду контролировать дозу. На делах это не скажется.

Гу Цин хотел было еще что-то возразить, но, взглянув на разбитого, опустившегося Му Юаня, лишь снова и снова горько вздыхал.

— Берегите себя, — наконец бросил он. — Я ухожу.

Му Юань лишь молча кивнул.

Дверь кабинета закрылась.

Лишь теперь Ли Ваньсин окончательно пришел в себя, вынырнув из состояния полудремы. Он в замешательстве уставился на дверь, которую только что притворил Гу Цин.

— Гу Цин? Это был Гу Цин?

Ли Ваньсина охватило недоумение.

«Странно... Гу Цину ведь едва за двадцать. А тот мужчина выглядел минимум на тридцать с лишним. Кожа, взгляд — это совсем не тот юноша, которого я знаю».

Не в силах разгадать эту загадку, Ваньсин отвел взгляд от двери и огляделся. То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар.

Он находился в обычном кабинете, это верно. Но на диване...

Там лежал человек — неопрятный, обросший колючей щетиной, с сальными волосами и нездоровым цветом лица. И как бы этот мужчина ни опустился, в нем безошибочно угадывался... Му Юань!

«Му... Му Юань?!»

Ваньсин глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь и успокоить мечущиеся мысли. Он снова впился взглядом в лежащего на диване мужчину. Густые черные брови, хищный разрез глаз, высокая переносица, волевой контур лица... Рост под два метра, крепкие узлы мышц под помятой одеждой. Сомнений не было. Это он.

В голове Ли Ваньсина вспыхнула догадка: «Неужели... передо мной Му Юань из моей прошлой жизни?»

Он быстро глянул на свои руки. Те были прозрачными.

Он снова стал духом.

Ли Ваньсин не мог поверить происходящему.

«Разве я не переродился? Почему я снова здесь?» — недоумевал он.

Посмотрев на Му Юаня, он прикинул: «Должно быть, со дня моей смерти прошло уже прилично времени. В этой реальности меня больше нет. Зачем судьба вернула меня сюда?»

Ответа не было. Ваньсину оставалось лишь принять правила этой странной игры.

«Судя по опыту, я здесь ненадолго. Скоро меня вернет обратно в мою новую жизнь. А пока... побуду сторонним наблюдателем».

Однако «пока» растянулось на целый месяц.

Всё это время Ли Ваньсин, терзаемый тревогой за Му Юаня, неотступно следовал за ним тенью.

Каждый день — завтрак, обед, ужин и ночные перекусы — Гу Цин приносил еду в кабинет маршала. И к каждой порции неизменно прилагались бутылки крепкого алкоголя и

бесконечные, набившие оскомину его наставления. Му Юань всякий раз обещал «знать меру», но наутро в углу прибавлялось лишь пустой стеклотары.

Ли Ваньсин с содроганием наблюдал, как Му Юань медленно убивает себя, погружаясь в пучину саморазрушения.

Впрочем, не всё время маршал проводил за бутылкой.

Каждую ночь, ровно в одиннадцать, он садился в машину и ехал к... его могиле.

Му Юань добирался до кладбища к полуночи. И там он просто обнимал надгробие и плакал. Долго, надрывно, шепча что-то сквозь рыдания.

В первый раз Ли Ваньсин был поражен до глубины души. Он подошел ближе, желая расслышать хоть слово.

— Ваньсин, прости меня, — шептал Му Юань, и он смотрел с такой нестерпимой обидой, словно ребенок. — Прости, Ваньсин... Я знаю, ты не шпион Федерации. Но их власть... они задушили Империю своей ложью, они переписали правду. У меня нет улик, я не могу очистить твоё имя... сейчас не могу. Ваньсин, я не в силах всё изменить... я ничтожество. Беспольный кусок дерьма...

Ли Ваньсин слушал это, и в груди его разливалось тепло. Оказывается, был хоть кто-то, кто верил в его невиновность. Кто-то, кто до сих пор сражался за его честное имя.

Его любовь к Му Юаню вспыхнула с новой силой.

Но что толку?

В этом мире Ли Ваньсин — лишь горсть праха. Сколько бы Му Юань ни проливал слез, мертвые не возвращаются. А в мире, где он переродился, Му Юань сам оттолкнул его, вновь обрекая обоих на беспросветную тоску безответных чувств.

Всё, что оставалось Ваньсину в этой ситуации — лишь бессильно вздыхать.

Обычно Му Юань оплакивал свою потерю до четырех-пяти утра. Затем, вновь нацепив маску безразличного отчаяния, возвращался в кабинет и снова начинал пить.

За месяц Ли Ваньсин привык к этому горькому распорядку.

Но в последний день месяца произошло то, чего он никак не ожидал. Когда Му Юань в

очередной раз припал к надгробию, из ночной тьмы вышел человек. Это был Линь Юнь — старый друг Ваньсина.

Разумеется, Линь Юнь видел только Му Юаня. Сказать, что он был шокирован видом великого маршала, рыдающего над могилой, — значит не сказать ничего.

Спустя долгую минуту Линь Юнь обрел дар речи.

— Маршал Му... — выдавил он. — Что вы... что вы делаете у могилы Сяо Сина?

Как отреагировал Му Юань на то, что лучший друг его возлюбленного застал его в минуту такой постыдной слабости?

Ему было плевать.

Тот, кто был ему дороже жизни, лежал в земле. Остальное не имело значения.

Гордость? Честь? Репутация?

Всё это — прах. Мелочи, не стоящие и вдоха. Ваньсин мертв. Он никогда не вернется.

Му Юань посмотрел на Линь Юня опухшими, налитыми кровью глазами и произнес сорванным, надломленным голосом:

— Видишь? Я люблю Ли Ваньсина.

Линь Юнь замер. Он и сам догадывался о чем-то подобном, видя состояние маршала, но услышать прямое признание было выше его сил.

Помолчав, он нерешительно спросил:

— Маршал Му... Вы... Вы действительно любили его?

Му Юань лишь горько усмехнулся. Он не собирался больше ни перед кем отчитываться. Отвернувшись к могиле, он снова зашелся в рыданиях.

Но Линь Юнь не уходил. Он стоял, охваченный внезапно всплывшими воспоминаниями.

— Когда мы с Сяо Сином еще учились, вы часто приезжали к нам с лекциями, — медленно проговорил он. — Мы думали, вам нужны лучшие кадры для легиона...

Му Юань, не переставая плакать, издал короткий, презрительный смешок.

— Вы? Кадры? — бросил он с неприкрытым высокомерием. — Третьему легиону никогда не хватало послужных списков и ветеранов. Зачем мне сдалась ваша захолустная академия? Даже если она считается Первой военной академией Империи.

Маршал выпрямился, и в его голосе зазвучала невыносимая нежность:

— Я ездил туда только ради моего Ваньсина. Он вечно торчал в библиотеке, его было невозможно встретить на улице... Если бы я не принимал эти дурацкие приглашения, как бы я его увидел?

Линь Юнь был ошеломлен. Он во все глаза смотрел в спину Му Юаня.

— Значит... и судейство на вручении дипломов тоже?

Му Юань кивнул.

— Конечно.

Он посмотрел на свои ладони, погружаясь в прошлое.

— Я помню тот миг, когда надевал на него наградную ленту. Боялся, что меня узнают, натянул кепку, очки, маску...

Вспомнив, как нелепо он тогда выглядел, Му Юань не сдержал короткого смешка. Но веселье тут же угасло.

— Ваньсин тогда смотрел на меня с опаской, но покорно стоял, пока я поправлял ленту. Я до сих пор чувствую, как его мягкие волосы коснулись моего запястья... Это прикосновение жгло мне кожу. Мне хотелось... просто прижать его к себе.

Слушая этот рассказ, Линь Юнь мысленно перебирал десятки случаев, когда их пути пересекались с маршалом. Чем больше он вспоминал, тем холоднее становилось у него на душе. Спина покрылась испариной.

Сглотнув вязкий ком, он решился спросить:

— Значит, вы... вы так долго и расчетливо подбирались к нему?

Му Юань замер. Медленно, очень медленно он повернул голову. Он посмотрел на Линь Юня

ледяным и пронзительным взглядом.

— Расчетливо? — Му Юань криво усмехнулся. — Я? Расчетливо? Нет... Это называется «без памяти любить».

С этими словами он окончательно отвернулся. Время близилось к рассвету. Му Юань тяжело поднялся, прошел мимо застывшего друга, не удостоив его даже взглядом, и зашагал прочь.

А Линь Юнь так и остался стоять, не в силах пошевелиться.

Ли Ваньсин переводил взгляд с уходящего маршала на ошеломленного друга. Помедлив секунду, он всё же выбрал Му Юаня.

Он догнал его и скользнул в машину следом за ним.

Глядя сквозь стекло на одинокую фигуру Линь Юня, Ваньсин прошептал:

— Прости, А-Юнь. У тебя есть другие друзья.

Затем он повернулся к Му Юаню и с тихим вздохом добавил:

— А у Му Юаня... у него остался только он сам.

<http://bllate.org/book/17475/1697344>